

RU

Поэзия вагантов

Демченко А. И.

Аннотация. Статья посвящена одному из ярчайших явлений средневековой западноевропейской литературы – поэзии вагантов. Рассматриваемая литературная традиция отличается резкой противопоставленностью догматической схоластики и «высокой» поэзии, опорой на разговорную речь. Автор выделяет характерные особенности идейно-тематического содержания поэзии вагантов: неприятие иерархии; свобода от религиозной догмы, прописной морали; живописание студенческого быта; мотивы «разгульной жизни»; превознесение радостей бытия; обличение общественных пороков, церковного стяжательства, мироустройства в целом.

EN

Goliardic Poetry

Demchenko A. I.

Abstract. The paper is devoted to one of the brightest phenomena of medieval Western European literature – goliardic poetry. The literary tradition under consideration is characterised by its sharp opposition to dogmatic scholasticism and “high” poetry, basis in colloquial speech. The author identifies the distinctive features of the ideological and thematic content of goliardic poetry: rejection of hierarchy; freedom from religious dogma, proverbial morality; vivid depiction of student life; motifs of “rampant life”; eulogisation of the joys of being; denunciation of social vices, covetousness of the church, the world order as a whole.

Это явление, одно из наиболее примечательных явлений средневековой литературы на латыни, начало складываться ровно тысячелетие назад, с XI века.

Ваганты (от лат. *бродячие, скитающиеся, странствующие*; их иное название – *голиарды*) – в основном деклассированные выходцы из различных сословий Западной Европы (Германия, Франция, Англия, Северная Италия). То были не закончившие курс студенты или школяры, менявшие в поисках знаний школу за школой, и в основном множестве – имевшие отношение к духовенству (недоучившиеся семинаристы, разжалованные священники без прихода, покинувшие монастырь послушники). И хотя происходили они в основном из неимущих слоёв города и отчасти деревни, а по образу жизни зачастую немногим отличались от жонглёров и шпильманов, точно так же скитаясь из края в край, тем не менее ставили они себя гораздо выше, чуждаясь их народного языка.

Опорой и свидетельством их некоего «аристократизма» являлось то, что в своём творчестве они преимущественно изъяснялись на латыни. Помимо неё, его признаком можно считать и испытываемое ими частичное влияние античной поэзии, что сказалось в использовании мифологических аксессуаров (Венера, Амур, Купидон, Фортуна и т.д.), а также в отдельных именах (Флора, Филица и т.п.).

Литература вагантов остаётся для нас анонимной, но три персоны история сохранила.

Гуго Орлеанский (первая половина XII века) – из его имени следует, что он был уроженцем Орлеана. Другое прозвание (Примас Орлеанский) указывает на его приоритет в среде вагантов своего времени. Действительно, он пользовался громадной известностью и оказал влияние на сотоварищей по искусству, в том числе на Архипиита Кёльнского. Большую часть жизни провёл в скитаниях, его последним пристанищем стали Британские острова.

Прозвание только что упомянутого **Архипиита Кёльнского** (середина XII века) следует читать как *Высочайший поэт или Поэт поэтов*. Настоящее имя его неизвестно, и, по всей видимости, был он немцем. До нас дошло десять стихотворений, написанных между 1159 и 1165 годами.

Вальтер Шатильонский (вторая половина XII века) родом из Лилля, учился в Париже и Реймсе, был каноником в Реймсе, затем преподавал в монастырской школе в Шатильоне, а позднее служил каноником в Амьене. О его учёности свидетельствует поэма «Александрейда» в десяти книгах (ок. 1178-1182), но широчайшую известность получила та часть его наследия, о которой в своей эпитафии он написал: «*Галлия вся звучит песен напевом моим*».

Стилистика поэтического наследия вагантов весьма многообразна. И если написанное только что названным Вальтером Шатильонским отличается чертами изысканности, то незатейливые истории-притчи из собрания «Кембриджская рукопись» рассказаны грубоватым языком просторечия, чтобы доступно было и самой широкой аудитории («Снежное дитя», «Песня про лгуна» и др.).

Ещё одно коренное отличие от современных им «бродяг» состоит в следующем: странствующие актёры Средневековья были типичными носителями устной традиции, ваганты же считались не только грамотными людьми, но и нередко обладали незаурядным мастерством в стихосложении. И действительно, латинская поэзия достигла в среде этих «свободных художников» подлинного расцвета, они оставили после себя огромное количество стихов и песен.

Самый обширный из сохранившихся сборников – «*Carmina Burana*» ([Кáрмина Бура́на] «Баварские песни»), рукопись которого обнаружена в баварском монастыре, отсюда латинское название этого сборника. Он составлен в Южной Германии в XIII столетии и насчитывает около 250 стихотворений (на него опирался композитор К. Орф, создавая в 1937 году свою знаменитую сценическую кантату того же названия).

Ваганты более всего были поэтами и певцами. И в этом, и по художественному уровню своего творчества они сближались с трубадурами, труверами и миннезингерами, но, в отличие от лирики рыцарей, их лирика чувственнее, в ней весьма подчёркнут мотив обладания, а её эмоциональная окраска ощутимо мажорнее.

В остальном, по сути, между странствующими актёрами и вагантами было неизмеримо больше общего. Роднит их прежде всего ярко выраженное вольнолюбие, демонстративно декларируемая независимость от общепринятых установлений.

Причём обычно они воспринимают себя не поодиночке и не как какой-либо анархистствующий сброд, а как некий союз поборников «воли вольной», метафорический «орден вагантов», у которого существуют совершенно определённые постулаты.

Один из этих постулатов: всепринятие по части членства в «ордене», абсолютный демократизм, отменяющий любые сословные и цеховые ограничения:

*«Эй, – раздался светлый зов, –
началось веселье!
Поп, забудь про Часослов!
Прочь, монах, из кельи!»
Сам профессор, как школяр,
выбежал из класса,
ощутив священный жар
сладостного часа.*

*Будет ныне учреждён
наш союз вагантов
для людей любых племён,
званий и талантов.
Все – храбрец ты или трус,
олух или гений –
принимаются в союз
без ограничений.*

*Кто для ближнего готов
снять с себя рубаху,
восприми наш братский зов,
к нам спеши без страху!
Наша вольная семья –
враг поповской швали.
Вера здесь у нас – своя,
здесь – свои скрижали!*

Из вирши в виршу утверждаются это всепринятие и эта заведомая толерантность «хартии вольности», что отменяет любые иерархические и прочие препоны:

*Образ милосердия мы одни являем:
Бедного, богатого – всех мы принимаем:
Знатных с низкородными, дельного с лентяем,
Кто из монастырских врат в шею был толкаем.*

*Принимает орден наш правых и неправых,
Старых и измученных, молодых и бравых,
Сильных и расслабленных, видных и плюгавых,
И Венерой раненных, и всецело здравых.*

*Принимает всякого орден наш вагантский:
Чешский люд и швабский люд, фряжский и славянский,
Тут и карлик маленький, и мужлан гигантский,
Кроткий нрав и буйственный, мирный и смутьянский.*

При всей распахнутости врат «ордена вагантов» ставилось одно кардинально важное этическое условие, которое только что прозвучало в приведённом выше стихотворении: «Кто для ближнего готов // снять с себя рубаху». Истинными слугами Господними объявляются не те, кто смиренно стоит у алтаря, а те, кто чист духом и душой. И в свободе от религиозной догмы настойчиво акцентируется истинно человеческое, противопоставленное прописной морали официальных ревнителей общественных устоев:

*«Каждый добрый человек, –
сказано в Уставе, –
немец, турок или грек,
стать вагантом вправе».
Признаёшь ли ты Христа,
это нам не важно,
лишь была б душа чиста,
сердце не продажно.*

*Все желанны, все равны,
к нам вступая в братство,
невзирая на чины,
титулы, богатство.
Наша вера – не в псалмах!
Господа мы славим
тем, что в горе и в слезах
брата не оставим.*

*Милосердье – наш закон
для слепых и зрячих,
для сиятельных персон
и шутов бродячих,
для калек и для сирот,
тех, что в день дождливый
палкой гонит от ворот
поп христолюбивый.*

За многие десятилетия существования вагантов была выработана и сформулирована целая программа их мироотношения. Квазипокаянная «Исповедь» **Архипиита Кёльнского** («Был я молод, был я глуп...») оказывается на самом деле похвалой буйной молодости, для которой свобода от каких-либо закосневших установлений превыше всего.

Там же и уже вполне всерьёз он даёт отповедь мёртвой схоластике «учёной» поэзии, горячо уверяя в том, что подлинное творчество требует знания жизни во всей её полноте и многообразии:

*Существуют на земле
всякие поэты:
те залезли, что кроты,
в норы-кабинеты.
Как убийственно скучны
их стихи-обеты,
их молитвы, что огнём
чувства не согреты.*

*Этим книжникам претят
ярость поединка,
гомон уличной толпы,
гул и гогот рынка;
жизнь для этих мудрецов –
узкая тропинка,
и таится в их стихах
пресная начинка.*

*Не содержат их стихи
драгоценной соли:
нет в них света и тепла,
радости и боли...*

* * *

Многое в текстах вагантов было связано со студенческим бытом, причём особой популярностью пользовались шуточные застольные песни, в которых радости жизни нередко прославляются с забубённой лихостью, без малейшей оглядки на «авторитеты»:

*Выходи в привольный мир!
К чёрту пыльных книжек хлам!
Наша родина – трактир.
Нам пивная – Божий храм.
Ночь проведши за стаканом,
не грешно упиться в дым.
Добродетель – стариканам,
безрассудство – молодым!*

Однако там же столь «залихватское» молодечество оправдывается простейшим, но убедительным доводом, который четырежды проводится в виде рефрена-припева:

*Жизнь умчится, как вода.
Смерть не даст отсрочки.
Не вернуться никогда
вешние денечки.*

Более того, в одном из «куплетов» довод этот получает весьма подробную расшифровку:

*Май отблещет, отзвенит –
быстро осень подойдёт
и тебя обременит
грузом старческих забот.
Плоть зачахнет, кровь заглохнет,
от тоски изноет грудь,
сердце бедное иссохнет,
заметёт метелью путь.*

Примечательно, что в атмосфере застолья вагантов сложился общеизвестный студенческий гимн «Гаудеамус» (*Gaudeamus igitur*) – название по первому слову покаянного песнопения на латинском языке, возникшего в XIII веке (датируется 1267 годом); его первая строка гласит: «*Так будем же радоваться, пока мы молоды*». Позже исходный материал получил распространение в соединении с отдельными мелодическими оборотами песни немецкого поэта начала XVIII века И. К. Гюнтера «Братья, будем радоваться». В таком виде песня впервые была напечатана в 1776 году, а в 1781 обработана немецким странствующим поэтом К. В. Киндлебенем и с XIX столетия стала студенческим гимном.

К сожалению, это едва ли не единственное, что сохранилось из той музыки, на которую ваганты распевали свои стихи. Ведь совершенно ясно, что по строю своему их поэзия в основном чисто песенная, и они нередко пользовались куплетной формой.

Принадлежность к студенческой среде наложила свой отпечаток на отношение к учёбе и науке, которые требовали серьёзной дисциплины, а любые оковы для ваганта невыносимы. Об этом выразительно пишет **Архипиит Кёльнский** в обращённой к знакомому королю «**Просьбе по возвращении из Салерно**», и пишет с юмором, столь характерным для него:

*Бог да продлит твои годы!
Я же сочиню тебе оды,
гимны сложу в твою честь:
очень уж хочется есть.*

Суть же стихотворения посвящена несчастью, приключившемуся с автором:

*Все вы слышали, наверно,
про знаменитый Салерно.
С давних времён и поныне
учатся там медицине
у величайших учёных,
чтоб исцелять обречённых...
«Как бы мне, Господи Боже,
медиком сделаться тоже!»
Но оказалось: наука
горше, чем смертная мука,
и захандрил я безмерно
в том знаменитом Салерно.*

На предмет мучительности учения некий аноним с тем же великолепным чувством юмора оставил блистательное **«Прощание со Швабией»**. Совершенно ясно, что написано оно тем, кто прошёл «огонь, воду и медные трубы» образовательного процесса тех времён. Чтобы *«увидать науки свет»* на университетской скамье школяру тогда нередко приходилось отправляться на чужбину, поскольку учебных заведений было очень немного (в данном случае из одного немецкого герцогства в далёкую Францию).

И опасения юного шваба относительно терзаний будущего ученичества (*«Сердце бедное светло // скорбью и печалью»*) отнюдь не беспочвенны. К примеру, обучение на богословском факультете Парижского университета продолжалось десять лет, а на выпускном экзамене испытуемому вопросы задавали непрерывно с шести часов утра до шести вечера, не позволяя ему ни есть, ни пить.

Приводимое ниже частично **«Прощание со Швабией»** очень характерно и в том отношении, что многое в своей поэзии ваганты стремились подавать в форме зримого, развёрнутого сюжета:

*Во французской стороне,
на чужой планете,
предстоит учиться мне
в университете.
До чего тоскую я –
не сказать словами...
Плачьте ж, милые друзья,
горькими слезами!
На прощание пожмём
мы друг другу руки,
и покинет отчий дом
мученик науки...
Ну, так будьте же всегда
живы и здоровы!
Верю, день придёт, когда
свидимся мы снова.
Всех вас вместе соберу,
если на чужбине
я случайно не помру
от своей латыни;
если не сведут с ума
римляне и греки,
сочинившие тома
для библиотеки,
если те профессора,
что студентов учат,
горемыку школяра
на смерть не замучат,
если на смерть не упьюсь
на хмельной пирушке,
обязательно вернусь
к вам, друзья, подружки!*

* * *

В своих вольнолюбивых стихах ваганты на все лады славили земные радости, любовь, вино, веселье. Разумеется, их тематика не ограничивалась мотивами «разгульной жизни» – использовались античные и библейские реминисценции, звучали призывы к крестовому походу, плачи о Ричарде Львиное Сердце, религиозные стихи.

Однако в главном их творчество носило открыто гедонистический характер. Ваганты с нескрываемым удовольствием каялись в своей преданности Венере, игре и горячительным возлияниям, произнося любые «богохульственные» слова.

*В кабаке возьми меня, смерть, а не на ложе!
Быть к вину поблизости мне всего дороже,
Будет петь и ангелам веселее тоже:
«Над великим пьяницей смилуйся, о Боже!»*

Столь благому пожеланию с удовольствием вторит в своём **«Завещании» Архипит Кёльнский**, заодно пародийно переосмысливая церковные инвективы, предававшие анафеме грешников (*«Пусть у дьявола в когтях // корчатся на пытке // те, кто злобно отвергал // крепкие напитки!»*):

*Я желал бы помереть
не в своей квартире,
а за кружкой вина
где-нибудь в трактире.*

Ангелочки надо мной
забренчат на лире:
«Славно этот человек
прожил в грешном мире!»

Вольно, весело я шёл
по земным просторам,
кабаки предпочитал
храмам и соборам,
и за то в мой смертный час,
с увлажнённым взором:
«Со святыми упокой!» –
гряньте дружным хором!

Как видим, важнейшая ипостась вагантского сибаритства была связана с разного рода питейшеством (как говаривал всё тот же **Архипишт**, «разве может пить школяр // не вино, а воду»). Во-первых, в нём видится превосходное средство для поднятия духа, и при этом постоянно поминается Господне соизволение. Перефразируя евангельское «Богу – Божие, а кесарю – кесарево», в этике вагантов нередко подчёркивается желанное единение божеского и плотского: жизнь им мила только тогда, когда в ней есть и то, и другое:

Без возлюбленной бутылки
тяжесть чувствую в затылке.
Без любезного винца
я тоскливей мертвеца.
Но когда я пьян мертвецки,
веселюсь по-молодецки
и, горланя во хмелю,
Бога истово хвалю!

Во-вторых, как всегда, приводится полномасштабная аргументация повального пьянства как неотменимого закона человеческого существования:

Пьёт народ мужской и женский,
городской и деревенский,
пьют глупцы и мудрецы,
пьют транжиры и скупцы,
пьют скопцы и пьют гуляки,
миротворцы и вояки,
бедняки и богачи,
пациенты и врачи.

Пьют бродяги, пьют вельможи,
люди всех оттенков кожи,
слуги пьют и господа,
сёла пьют и города.
Пьёт безусый, пьёт усатый,
лысый пьёт и волосатый,
пьёт студент и пьёт декан,
карлик пьёт и великан!

Пьют монахиня и шлюха,
пьёт столетняя старуха,
пьёт столетний старый дед, –
словом, пьёт весь белый свет!

Только что были процитированы строфы из застольной песни «**Кабацкое житьё**». А открывается она зачином «Бахус учит неизменно: // “Пьяным – море по колено”». За этим таилось, пожалуй, самое важное объяснение в пристрастиях к огненной влаге – её раскрепощающая сила:

Верен Богу наш союз –
без богослужений
с сердца сбрасывая груз
тьмы и унижений.
Хочешь к всенощной пойти,
чтоб спастись от скверны?
Но при этом по пути
не минуй таверны.

*Жизнь на свете хороша,
коль душа свободна,
а свободная душа
Господу угодна.
Не прогневайся, Господь!
Это справедливо,
чтобы немощную плоть
укрепляло пиво.*

И, переводя на творчество, **Архиписит** признаётся в «Послании архиепископу Кёльнскому» в пробуждающем вдохновении воздействию вина:

*Чем я чаще в кабаках
делаю обходы,
тем смелей моя в стихах
лёгкость и свобода.
От вина хорошего
звонче в лире звоны:
лучше пить и лучше петь –
вот мои законы!
Трезвый я едва плету
вялый стих и сонный,
а как выпью – резвостью
превзойду Назона.*

* * *

Присущее поэзии вагантов яркое жизнелюбие, нередко выливавшееся в сцены развесёлого молодецкого разгула, сопровождалось неизменными проявлениями чувства юмора. Ещё раз обратимся за примером к **Архиписиту Кёльнскому**, который отличался этим качеством, как никто другой.

В упоминавшейся выше «**Просьбе по возвращении из Салерно**», рассказывая о том, как его «одолела простуда», поэт приводит диагноз лечившего его знаменитого врача: «Я говорю вам без шуток: // жить вам не более суток!», что завершается непредвиденным «Я до того огорчился, // что через день излечился».

В стихотворении «**Проклятие**» аноним посылает на голову провинившегося устрашающий гром кары Господней, причём делает это с поразительной изобретательностью приискания всевозможных мыслимых и немыслимых напастей:

*Пусть мерзавца загрызёт
псов бродячих свора!
Пусть злодей не избежит
Божья приговора!*

*Да познает негодяй
вкус кнута и плётки,
чтобы грудь и спину жгло
пламенем чесотки!*

*Пусть он мается в жару,
чахнет от чахотки.
Да изжарит подлеца
чёрт на сковороде!*

*Пусть спалит Господень гнев
дом его пожаром,
пусть его сразит судьба
молнии ударом!*

И оказывается, что весь этот шквал испепеляющих тирад и весь гиперболизм изошрённых словесных эскапад вызваны ничтожной мелочью, что и определяет острый юмористический эффект:

*Шляпу стибрил у меня
жулик и притвора.
Всеблагие небеса,
покарайте вора!*

Во что бы то ни стало и вопреки всему утверждая радость жизни, школяры не раз по справедливости кличут себя беспутными шалопаями. При всём том, сохраняя обычно шуточный лад, они умели высказаться и на предмет

значимых материй житейской философии. В числе образов – «**Колесо Фортуны**», где почерк вагантов выдают остроумие и свобода речений:

*Слёзы катятся из глаз,
арфы плачут струны –
посвящая сей рассказ
колесу Фортуны.
Испытал я на себе
суть его вращения,
преисполнившись к судьбе
чувством отращения.
Мнил я: вверх меня несёт!
Ах, как я ошибся,
ибо, сверзшись с высот,
вдребезги расшибся
и, взлетев под небеса,
до вершин почёта,
с поворотом колеса
плюхнулся в болото.*

С тем же спасительным чувством юмора вещает в стихотворении «**Стареющий вагант**» об одной из обычных перипетий жизненной траектории **Гуго Орлеанский**:

*Был я молод, был я знатен,
был я девушкам приятен,
был силен, что твой Ахилл,
а теперь я стар и хил.*

*Хворь в дугу меня согнула,
смерть мне в очи заглянула.
Плащ изодран. Голод лют.
Ни черта не подают.*

*Зренье чахнет, дух мой слабнет,
тело немощное зябнет,
еле теплится душа,
а в кармане – ни шиша!*

Остаётся сказать, что в своём гимническом превознесении радостей бытия отнюдь не всё у вагантов было непременно озорным, разгульным и с «перцем» острословия. Встречались и страницы незамутнённо-простодушного света жизни, образцом чего могут послужить завершающие строки «**Весенней песни**»:

*Упоителен разлив
соловьёной трели,
зелень трав, раздолье нив,
синь морской купели.
И весенний этот мир,
как алмаз, сверкает
и на свой победный пир
всех людей скликает.
Выходи же, стар и млад.
песню пой на новый лад!*

* * *

И точно так же в лирике вагантов встречаются признания очень нежные и целомудренные. Скажем, в «**Молитве о милой**» каждое из 17 троестрочий увенчивается трогательным обращением к небесам: «*Храни, Боже, милую*»:

*Душа её светлая,
Любовь её верная –
Храни, Боже, милую.*

*Чиста, как нагорный лёд,
сладка, как отборный мёд –
Храни, Боже, милую.*

*Как лилии, ясная,
как розы, прекрасная –
Храни, Боже, милую.*

*Склоняют к ней облики
святые угодники –
Храни, Боже, милую.*

Или взять, допустим, характерное для творчества вагантов в жанровом отношении стихотворение-диспут «**Флора и Филадельфия**», которое открывается пейзажной «прелюдией» с её на редкость грациозной по тону идиллической поэтикой.

*Две подружки, две сестры
приоткрыли глазки.
А кругом цвела весна,
как в волшебной сказке.
Расточал весёлый май
радужные краски,
полный света и любви,
радости и ласки.*

Сам диалог сестёр-подружек разворачивается в целую поэму деятельных сравнений: кого предпочтительнее полюбить – рыцаря или школяра-ваганта? Аргументы с обеих сторон следуют нескончаемой чередой:

*«Ах, дружок! В людской крови –
рыцарские руки.
Нет! Куда милей студент –
честный жрец науки!
Хоть подвыпивший студент
часто озорует,
он чужого не берёт,
сроду не ворует».*

В конечном счёте верх в споре одерживает та из сестёр, коей любы ваганты – ведь они живут по законам естества, и потому «пускай во все века славятся студенты».

По поводу законов естества в творчестве вагантов многократно вспыхивали жаркие дискуссии. Извечную дилемму духа и плоти они раскрывали с привычным для себя юмором, но внутренне порой довольно болезненно («...тайный червь сомнения // сердце мне грызёт»).

*В дивном озарении
начертал Господь,
чтоб сошлись в борении
разум, дух и плоть.*

Архипиит, будучи выдающимся «адвокатом» вагантов, в своей «**Исповеди**» на этот счёт вопрошает:

*Не хотел я с юных дней
маяться в заботе –
для спасения души,
позабыв о плоти...
Только в чём, скажите, в чём
люди виноваты,
если пламенем любви
их сердца объять?!*

Добавляя там же: «Разве можно в кандалы // заковать природу? // Разве можно превратить // юношу в колоду?..».

И остальные ваганты, взвешивая достоинства разума и плоти, наперебой доказывают преимущества плотских утех.

*«Только через чтение
к счастью путь лежит!» –
в крайнем огорчении
разум мой брюзжит.
«Быть рабом учения
глупо чересчур, –*

не без огорчения
шепчет мне Амур. –
Слышишь! Прочь смущение!
Розы жизни рви!
Радость ощущения –
в воле и в любви...»

Преуспев в учении
я, посредством книг,
в беспрестанном чтении
мудрости достиг.
Но, сие учение
в муках одолев,
я познал влечение
к ласкам жарких дев.
И, забросив чтение,
тешу плоть свою:
нынче предпочтение
девам отдаю.

На этой почве сложилась обширная ветвь любовных стихов самого свободного содержания, где без особых околичностей вещи называются своими именами, как делается это, к примеру, в «**Юной песне**»:

Юности веление
Учит нас забвению
Всякого стеснения
В жажде сладострастья:
Прочь узаконения –
Нет позора в счастье!

«Жажда сладострастья» варьируется на все лады. В уже приводившемся стихотворении «**Выходи в при-вольный мир...**» находим строфу, стихосложение и «моветон» которой предвосхищает будущие русские «скоромные» частушки:

Столько девок молодых,
сколько во поле цветов.
Сам я в каждую из них
тут же втюриться готов.
Девки бёдрами виляют,
пляшут в пляске круговой,
пламя в грудь мою вселяют,
и хожу я сам не свой.

«Забвение всякого стеснения» приводило в обрисовке игр Эроса к открытой фривольности. Одним из средств её остроумной маскировки был приём чередования строк на родном языке и непонятной для непосвящённых латыни, чем вуалировались весьма пикантные намёки:

Я скромной девушкой была,
Virgo dum flogebat [Когда я цвела невинностью]:
Нежна, приветлива, мила,
Optibus placebat [И всем нравилась].
Пошла я как-то на лужок
Flores adunare [Собирать цветы] –
Да захотел меня дружок
Ibi deflorale [Там лишилась девственности]...

И т.д. на протяжении десяти строф.

Но подобное нередко мелькало и в одноязычных вещах типа «**Добродетельной пастушки**», которая по собственной воле «своё платье сняла, // к школяру прижалась». Так что время от времени ваганты вынуждены были констатировать всеобщее падение нравов, с которым бесполезно бороться, поскольку «естество» требует своего:

Ах, куда вы скрылись, где вы,
добродетельные девы?
Или вы давным-давно
скопом канули на дно?!

*Может, вы держались стойко,
но всесветная попойка,
наших дней распутный дух
превратил вас в грязных шлюх?!
Все предпринятые меры
против происков Венеры,
насаждающей чуму,
не приводят ни к чему.
От соблазнов сих плачевных
застрахован только евнух,
все же прочие – увы –
крайней плотью не мертвы.
Я и сам погряб в соблазнах
и от девок безобразных
оторваться не могу.
Но об этом – ни гугу!..*

* * *

Однако если к «падению нравов» в сфере плотских наслаждений ваганты относились весьма снисходительно, то к подобному в социальном мире своего времени они практически всегда были заведомо беспощадны. Столь жёсткую свою позицию они оправдывали сознательно и принципиально: «Честных честно мы честим и хулой – бесчестных».

Адресаты этой хулы были многочисленны. Во времена крестовых походов она могла изливаться священным гневом против иноземных врагов христианского мира:

*Мы не свернём своих знамён,
покуда Гроб Твой осквернён,
вовек оружия не сложим,
покуда псов не уничтожим!
Неужто Иерусалим мы сарацину отдадим?
Неужто не возьмём мы с бою
сей град, возлюбленный Тобою?!*

Обличительные стрелы могли быть нацелены на систему образования и на всевластие золотого тельца:

*Вершина знаний, мысли цвет –
таким был университет.
А нынче, волею судеб,
он превращается в вертеп.
Здесь бредни мудростью слывуют,
а мудрость бреднями зовут...*

*Суд решает за плату
всё то, чего хочет богатый.
Деньги женскую верность
легко превратят в лицемерность.
Будь ты гнуснейшего нрава –
с деньгами тебе честь и слава.
Деньги могучи премного,
их все почитают, как бога.*

По мнению многих вагантов, никуда не годится и жизнеустройство в целом (показательны названия стихотворений «Безумный мир» и «Взбесившийся мир»). **Гуго Орлеанский** суммировал подобные оценки следующим образом:

*Ложь и злоба миром правят.
Совесть душат, правду травят,
мёртв закон, убита честь,
непотребных дел не счесть.
Заперты, закрыты двери
доброте, любви и вере.
Мудрость учит в наши дни:
укради и обмани!
Друг в беде бросает друга,*

*на супруга лжёт супруга,
и торгует братом брат.
Вот какой царит разврат!
И Господень Сын у нас
вновь распят – в который раз!*

Однако самые устрашающие обличительные инвективы вагантов были обращены против погрязшей в грехах тогдашней церкви, которую они хорошо знали изнутри. Только совсем изредка можно встретить относительно добродушную насмешку. Так, персонаж стихотворения «**Монах Иоанн**» тщится стать святым отшельником, начинает питаться травой и кореньями, но, оголодав, через десять дней возвращается к прежней трапезе.

*А утром молвил Иоанн:
«Нам хлеб насущный Богом дан!
Ах, из-за пагубной гордыни
я брёл голодным по пустыне!*

*Попутал бес меня, видать!
В еде – Господня благодать!
Видать, Господь и в самом деле
велит, чтоб пили мы и ели!»*

В силу свойственного им вольнодумства ваганты клеймили изъяны и пороки тех, кто прикрывал себя сутаной, совершенно не стесняясь в выражениях. Как уже цитировалось выше, «*наша вольная семья – // враг поповской швали*». Или приведём тост, провозглашаемый в песне «**Кабацкое житьё**»:

*За тех, кто зелье
предпочёл сиденью в келье
и сбежал от **упырей**
из святых монастырей!*

Объектом яростной сатиры-отповеди вагантов оказывается поголовно всё духовенство, в том числе и самое высшее, включая папу римского, – в руках этой «*шайки*» (обозначение из нижеприводимого стихотворения) всё в церкви стало предметом купли-продажи:

*Правда спит, убит закон,
превратился храм в притон,
где святейшие ханжи
совершают грабежи.
От аббата до прелата
духовенство алчет злата,
под прикрытием сутан
обирая христиан.
Ныне поп в любом приходе
бредит только о доходе.
Сунешь в лапу – вверх пойдёшь,
а не сунешь – пропадёшь!
Стать святым желает вор?
Сунь – и кончен разговор!*

Эту тему всеми силами развивал **Вальтер Шатильонский**. В своё время он совершил паломничество в Рим, и самые мрачные впечатления от увиденного там отразились в большой серии стихов («Жалобы на своекорыстие и преступления духовенства», «Обличение Рима» и др.):

*Верить бесполезно
в райские блаженства:
все мы канем в бездну
из-за духовенства.*

*Нет, не милосердьё
пастыри даруют,
а в тройном усердьё
грабят и воруют.*

*Церковь, Божия девица,
Ныне – блудная блудница...*

*Возглавлять вселенную
призван Рим, но скверны
полон он, и скверною
всё полно безмерною.*

*Рим и всех, и каждого
грабит безобразно;
пресвятая курия –
это рынок грязный!*

*Алчность жёлчная царит
в **Риме**, как и в **мире**;
Не о мире мыслит клир,
а о жирном пире,
Не алтарь в чести, а ларь
там, где ждут подарка
И серебряную чтят
марку вместо **Марка**...*

*Не случайно папу ведь
именуют папой:
папствуя, он хапствует
цапствующей лапой.*

Пожалуй, последнего предела пафос обличения достиг в «**Апокалипсисе голиарда**», где речь ведётся от лица вышних сил, глас которых как будто бы услышал и запечатлел в словах анонимный автор:

*Знайте, земли недостойные жители!
Вас погубили священнослужители!
Днесь повторилось, что было вчера:
продан Спаситель за горсть серебра!*

*Пьянствуя, лакомясь сладкими блюдами,
стали отцы пресвяты Иудами!
Паства без пастыря бродит во тьме,
ибо у пастыря блуд на уме!*

*Так преступленье вершится великое!
Пьянство глумится над Вышним Владыкою!
Лжепроповедников злые уста
дважды и трижды распяли Христа!*

Зло высмеивая вопиющее лицемерие и пороки священства, ваганты нередко прибегали к пародированию культовых песнопений. Сильнейший эффект давало введение благочестивого текста в нечестивый контекст или наоборот. Например, созданная ими монументальная «**Всепеньейшая литургия**», где переиначиваются все звенья христианского обряда и вся свойственная ему лексика, стала одним из самых знаменитых памятников в истории европейской пародии.

* * *

Надо ли говорить о том, что ваганты подвергались преследованиям церкви! Нравы этой умствующей бродячей братии серьёзно беспокоили власти, и к XIII столетию всё чаще принимаются постановления, чтобы обуздать её «буйство и шутовство». Подобно другим странствующим актёрам, пройдя полосу расцвета в XII-XIII веках, движение вагантов к XIV столетию постепенно сходит с исторической сцены.

Их поэзия явилась исключительно яркой страницей в истории средневековой западноевропейской литературы. Это был тот феномен антиаскетической «живой жизни» (выражение В. Вересаева), который сопоставим только с тем, что можно представить себе в низовой культуре данной эпохи (фольклор и творчество странствующих комедиантов).

Будучи резко выраженной альтернативой догматической схоластике и «высокой» поэзии, искусство вагантов опиралось на разговорную речь, неотразимую в своей непосредственности и позволявшую запечатлеть сочные зарисовки быта и времяпровождения людей той поры.

Возникшее на волне развития городов и университетов, движение вагантов с их несравненным вольномыслием и поразительной раскованностью художественного изъяснения знаменовало приметы Позднего Средневековья, когда уже стал расшатываться монолит христианского мироощущения и вызревали ростки

гуманистической культуры Возрождения. В отдельных проявлениях демонстративной вседозволенности, свойственной этике вагантов, при желании можно усмотреть далёкие праистoki европейского либерализма второй половины XX – начала XXI столетия.

Информация об авторах | Author information

RU

Демченко Александр Иванович¹, д. иск., проф., главный научный сотрудник и руководитель Центра комплексных художественных исследований

¹ Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова

EN

Demchenko Aleksandr Ivanovich¹, Dr

¹ Saratov State Conservatory

¹ alexdem43@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.09.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): средневековая поэзия; ваганты; Архипиит Кёльнский; Вальтер Шатильонский; Гуго Орлеанский; medieval poetry; Goliards; Archpoet; Walter of Châtillon; Hugh Primas of Orléans.